К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Караяни А.Г.¹, Кандыбович С.Л.²

¹ВНИИ МВД России. Россия, Москва

²Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. Россия, Рязань

Аннотация. В статье анализируется вклад отечественной психологии и психологов в достижение победы над врагом в годы Великой Отечественной войны. Показываются неблагоприятные условия развития отечественной психологии в предвоенный период. Дается анализ подходов к исследованию военного опыта психологии. Раскрываются основные направления научно-исследовательской и практической деятельности психологов в годы войны. Доказывается, что психология и деятельность психологов нашей страны явились важным фактором достижения победы в войне. Делаются выводы и извлекаются уроки из военного опыта военной психологии.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, история психологии, военная психология, психология маскировки, темновая адаптация, реабилитация раненых.

Введение в проблему

Чем дальше в историческую глубь времен уходит Великая Отечественная война, тем сложнее удержать в сознании народа все грани титанической борьбы и величия подвига нашего народа, одержавшего судьбоносную цивилизационную победу над фашизмом. Сохранять историческую правду о Великой Победе сегодня приходится в ожесточенных политических, идеологических и информационных сражениях с потомками и креатурой тех, кто был разбит и повержен 75 лет назад. Попытки переписать самую драматическую страницу истории XX века касаются оценки и интерпретации предпосылок, причин, событий, итогов и биографий героев войны. В этих условиях выявление истинных фактов, документально зафиксированных эпизодов, свидетельств реальных участников событий и их беспристрастная экспертная оценка позволят нам сохранить не замутненную ненавистью и корыстными интересами память о великом подвиге наших отцов и дедов. Вклад отечественных психологов неоднократно анализировался в отечественной психологической литературе, однако он не рассматривался в качестве важного фактора достижения победы. Изучение истории вопроса показывает, что отечественную психологию военного времени можно вполне считать «воюющей психологией».

Краткий обзор исследований (литературы)

Исследование сферы информационного пространства, связанной с историей отечественной психологии, показало, что вклад психологов в решение оборонных задач в годы Великой Отечественной войны неоднократно становился предметом пристального изучения специалистов [1-26]. При этом следует констатировать, что широкий массив научной литературы, посвященный анализу общего предмета, не привел к банальным повторам в оценке и интерпретации фактов и событий.

Во-первых, следует отметить, что исследователи деятельности отечественных психологов в годы войны рассматривали ее с различных исторических ракурсов. Так, Б.Г. Ананьев [1], А.Н. Леонтьев и А.В. Запорожец [15], С.Л. Рубинштейн [20] и Н.А. Рыбников [21] осуществляли анализ вклада психологов в достижение победы над врагом «по горячим следам», непосредственно наблюдая работу коллег и оценивая свою собственную деятельность; А.Р. Лурия [16] и А.А. Смирнов [24; 25], В.А. Каращан [10] делали это спустя 30–35 лет, когда воспоминания о событиях войны еще были свежи и были живы многие психологи, творившие Победу; А.В. Барабанщиков [2], М.И. Дьяченко [5], Р.А. Каничева и А.В. Ярмоленко [9] изучали

направления развития отечественной психологии в годы войны, спустя 40 лет после ее окончания; О.Г. Носкова [18] Б.В. Зейгарник [8], В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник [14], А.В. Белоусов, А.Г. Караяни [3; 11; 12], А.Н. Ждан [7], О.Е. Серова [22] обращались к рассматриваемой теме с позиции, удаленной от анализируемых событий на дистанцию в 50-75 лет.

За это время сменилось пять поколений, кардинально изменилась система политической власти в нашей стране, мировоззрение наших граждан, социальный статус отечественной психологии, ее методологические позиции, характер связи с мировой психологической наукой, отношение психологической науки к психологической практике и др. Все это, безусловно сказалась на той методической «оптике», которая использовалась исследователями. Неизменным оставалось одно — приверженность исследователей фактам.

Во-вторых, исследователи, принадлежа к различным отраслям психологической науки, делали акценты на разных сторонах опыта решения психологами оборонных задач. Например, О.Г. Носкова [18] подходит к историко-психологическому анализу с позиций психологии труда и выделяет в качестве приоритетных объектов анализа решавшиеся психологами военной поры задачи повышения эффективности воинского труда и трудового потенциала страны путем преодоления неизбежных последствий военных действий; Р.А. Каничева и А.В. Ярмоленко делают акцент на анализе психофизиологических аспектов стратегической маскировки [9]; А.В. Барабанщиков [2], М.И. Дьяченко [5], А.Г. Караяни [11; 12] сосредоточиваются преимущественно на исследовании военно-прикладного опыта психологии и т. д.

Наконец, *в-третьих*, специалисты, изучавшие военный опыт деятельности отечественных психологов, *сосредоточивали свое внимание на разных аспектах выводов и уроков, вытекающих из этого опыта*. Ряд исследователей [2; 14; 18; 22] полагает, что опыт психологии, полученный в суровые годы войны, является ресурсом для решения широкого круга сегодняшних задач. Другие исследователи [5; 7; 11] считают, что этот опыт должен быть критически осмыслен и из него следует извлечь конкретные уроки, соответствующие сегодняшнему этапу развития страны и психологии.

Многообразие научных подходов к изучению развития отечественной психологической науки и практики в годы войны, с одной стороны, отражает сложность самого предмета научного исследования, а, с другой стороны, создает предпосылки для глубокого изучения всех его граней. В каждом таком подходе, в каждом акценте и аспекте содержатся бесценная информация о подвиге, совершенном нашими психологами в годы войны.

Цель работы состоит в осмыслении реального вклада психологической науки и психологов нашей страны в достижение победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и квалификации этого вклада как важного фактора достижения победы над врагом.

Методы

Для достижения цели использовался метод изучения и логико-семантического анализа документов о деятельности отечественных психологов в годы войны.

Результаты и их обсуждение

Для непротиворечивого обобщения накопленных данных о вкладе психологов нашей страны в победу над фашисткой Германией в годы Великой Отечественной войны и их непредвзятой оценки специалистами поколения XXI века, необходимо подчеркнуть несколько важных моментов.

Во-первых, вследствие сформировавшейся в нашей стране после выхода в свет Постановления ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (от 4.07.1936 г.) социально-политической атмосферы, руководство государства не видело в психологии реальную созидательную силу, способную внести существенный вклад в победу врагом. Практически одновременно с запрещением педологии, в значительной мере состоявшей из возрастной психологии и психологии развития, был наложен запрет на психотехнику, являвшуюся, по существу, прикладной частью психологии труда и военной психологии. Как следствие этого «с

1936 г. по 1957 г. психологический отбор в армии, военной авиации, в том числе, не проводился, отбор исчерпывался медицинскими показателями» [18]. Последующее преследование педологов и психотехников (в частности, расстрел председателя Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии, президента Международной психотехнической ассоциации И.Н. Шпильрейна) создало обстановку, неблагоприятную для прирастания психологии психологической практикой.

Следует учесть и то, что несмотря на бурное развитие педологии и психотехники, психологогия в 30-40 г. была по преимуществу теоретической наукой. Достижения военных психологов предреволюционной поры были в основной своей массе забыты, частично искажены и растворены в идеологии. «К сожалению, в советское время эта важная и неотъемлемая часть российского военно-культурного наследия была в значительной степени утрачена или искажена. Для советской военно-психологической науки оказались характерными две крайности: первая – уклон в медицину (физиологию и психиатрию), и вторая – смешение психологии с идеологией, подмена анализа духовных явлений пропагандистскими лозунгами и декларациями. При этом нередко терялось главное – мысли, чувства человека на войне, реальные психологические механизмы его поведения» [23]. В стране не было людей, называвших себя военными психологами, такие специалисты не готовились в вузах, практически отсутствовали наработанные психологические методики решения военно-прикладных задач, в боевых документах психологические аспекты войны и боя не учитывались.

Молодость, выраженный теоретический характер психологии, не разработанность ее военно-прикладной составляющей перед самым началом войны не позволили руководству страны оценить ее мощный созидательный потенциал.

Это стало причиной того, что большая часть психологов с началом войны была призвана в ряды Красной Армии, включена в состав народного ополчения, органов тыла и не имела возможности действовать в соответствии с профессиональным предназначением.

По данным А.А. Смирнова в годы войны психологи: занимали командные посты (А.Г. Ковалев, В.И. Киреенко, М.Ф. Громов, Е.И. Игнатьев, А.И. Щербаков, С.Н. Шебалин); работали на медицинских постах (В.Н. Мясищев, К.К. Платонов, В.Н. Колбановский); работали на должностях младшего медицинского персонала (А.В. Ярмоленко, А.А. Люблинская, Т.А. Репина); служили на армейских должностях (Д.Б. Эльконин, Ф.Н. Шемякин, Г.Д. Луков, А.Г. Коварев, В.И. Кауфман, Ю.А. Самарин, Г.З. Рогинский, Б.О. Хотин, А.Л. Шнирман, А.В. Веденов, Ю.А. Самарин, А.Ц. Пуни). В партизанском отряде сражался Б.С. Смирнов. Были ранены или контужены Е.С. Кузьмин, М.Ф. Морозов, А.З. Редько. Погибли на войне Л.М. Шварц, И.И. Волков, Ф.И. Муплев, доцент МГПИ им. В.И. Ленина П.С. Любимов [24; 25]. Прошел всю войну и встретил победу в Будапеште М.И. Дьяченко — в последствии один из созидателей современной военной психологии [6].

Во-вторых, тяжелое начало Великой Отечественной войны и невысокий социальный статус отечественной психологии обусловили то обстоятельство, что психологам часто не хватало элементарных материальных средств и денег для эффективной деятельности (для опытов, экспериментов, практической деятельности, публикаций и т. д.).

Так, крайне важный научный труд С.Г. Геллерштейна [4], в котором излагался эффективный (по оценкам специалистов эффективность его составляла 80% случаев) авторский метод восстановительной трудотерапии при ранениях верхних конечностей, психологические знания о трудовых действиях, принципах регуляции трудовых движений был опубликован в 1942 г. на газетной бумаге. Для этого, при поддержке А.Р. Лурии, руководством Челябинской области была использована бумага всего тиража газеты «Челябинский рабочий» за один выпуск [18, с. 280].

Психологам порой приходилось работать в неприспособленных для работы, полуразрушенных вражескими бомбами зданиях, без отопления, без света, под бомбами противника, практически в режиме повседневного подвига. В помещениях Психологического института разбитые взрывом бомбы окна закрывались деревянными стендами и ящиками.

В-третьих, до начала Великой Отечественной войны в нашей стране не сформировалось единого центра координации деятельности психологов, отсутствовал опыт единения их усилий и организации совместного решения крупномасштабных задач.

Специалисты практически во всех отраслях психологии «не представляли собой единой общности и должны были в основном без каких-либо конкретных указаний извне реализовать свое профессиональное призвание, находить сферу приложения своей компетентности, чтобы служить обороне в роли именно психологов» [18, с. 270].

Как следствие этого психологи того времени работали преимущественно в небольших коллективах, объединявшихся вокруг крупных ученых, таких как Б.Г. Ананьев, К.К. Кекчеев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.

В-четвертых, необходимо не упустить из внимания то, что в предвоенном Советском Союзе еще не сложилось развитой системы связи и коммуникации, а с началом военных действий возможности для коммуникации были многократно снижены. Существовали сложности перемещения по территории страны объяснимые приоритетностью задач фронта, нехваткой средств передвижения, ограничениями военного времени. Все это существенно затрудняло возможности взаимодействия ведущих психологов, исследовательских и практико-ориентированных коллективов специалистов, созыва конференций и других форумов для обмена опытом особенно на первых этапах войны.

Мужественно преодолевая трудности военного времени, отечественные психологи сумели мобилизоваться как психологически, так и организационно. А.Р. Лурия, вспоминая начало войны, писал: «Чувство общей ответственности и общей цели охватило всю страну. Каждый из нас знал, что мы обязаны объединиться с нашими соотечественниками, чтобы противостоять смертельной опасности. Каждый из нас должен был найти свое место в этой борьбе [6, с. 129]. Как следствие этого, «советские психологи, охваченные тем же патриотическим порывом, который объединяет и вдохновляет всех советских людей, сочли своим прямым патриотическим долгом направить свою научную работу на помощь делу обороны нашей родины, на помощь фронту» [20].

Миссия и задачи психологии в противоборстве с противником определялось пониманием того, что «Современная война — не только война моторов, но и война нервных систем, война воль, желаний и умения воевать» [13, с. 6].

Обобщая подходы исследователей военно-психологического опыта, можно выделить следующие направления, по которым психологические идеи и наработки вплетались в общую ткань борьбы с врагом: разработка психологических проблем восприятия с целью решения задач стратегической и военной маскировки; теоретико-прикладное исследование вопросов повышения чувствительности зрительного и слухового анализаторов в целях повышения эффективности обнаружения противника днем и ночью; разработка рекомендаций воинам армии и флота по развитию мужества, смелости, готовности к подвигу, преодолению страха, усталости, сохранения работоспособности в различных ситуациях боевой обстановки; изучение психологических основ боевого управления; разработка комплекса теоретических и прикладных проблем психологической реабилитации раненых военнослужащих.

По нашему мнению, перечисленные направления целесообразно рассмотреть именно в ключе тех результатов, которые достигались в их русле.

Разработка психологических проблем стратегической и войсковой маскировки в годы Великой Отечественной войны строилась не на голом месте. Серьезный научный и методический задел в этой области был сделан в 1920–1930-е гг. в ходе исследований, осуществленных под руководством Б. М. Теплова в Высшей школе военной маскировки и Лаборатории зрительных восприятий маскировочного отдела Военно-инженерного испытательного полигона РККА. Исследователями было проведено более 200 опытов, в которых изучались особенности восприятия военных объектов в условиях изменения видимости, защитных свойств фона (луг, куст, ствол дерева, пролет между деревьями, дорога и т. д.), освещения (солнечный или пасмурный день, лунная или безлунная ночь, солнце спереди, сзади, сбоку, луна спереди сзади,

сбоку и т.д.), погоды (ясная погода или осадки), изменения характеристик наблюдаемых объектов (отдельный военнослужащий или группа из двух солдат и т. д.) и дистанции наблюдения. В результате этих исследований были разработаны практические рекомендации войскам о методике использования защитных свойств местности и военной формы при различных условиях освещенности местности. Эти рекомендации были опубликованы в ряде работ Б.М. Теплова¹.

Эти рекомендации были учтены во время войны. В самые ее первые дни перед отечественными психологами встала грандиозная задача, связанная с обеспечением маскировки стратегически важных объектов и объектов, являющихся национальными символами, а также разработкой практических рекомендаций войскам по повышению их скрытности от наблюдения противника. И это не случайно, ведь как отмечали специалисты того времени: «В современной войне обнаружить противника это значит в большинстве случаев его поразить» [13, с. 3]. В связи с этим было «вполне естественно стремиться найти ответ на такие вопросы, каким <...> образом можно скрыть свои войска и свою боевую технику от таких изумительно чувствительных органов ощущений, как глаз и ухо, а с другой стороны, как можно увеличить, уточнить и расширить наши зрительные и слуховые восприятия» [13, с. 4].

Именно решением задачи сокрытия от авиации противника стратегически и символически важных объектов Ленинграда с первых дней войны занялся отдел психологии Ленинградского института мозга им. В.М. Бехтерева. Для этого была оперативно сформирована специальная группа психологов (А.И. Зотов, З.М. Беркенблит, Р.А. Каничева и др.) во главе с Б.Г. Ананьевым. Ее целью ставилась разработка научно обоснованных рекомендаций по маскировке городских объектов посредством их сокрытия, деформации и имитации [9, с. 3-7]. Членами группы в короткие сроки была разработана экспериментальная методика. Методический замысел исследования состоял в том, чтобы создать модели маскируемых объектов Ленинграда такими по величине и цвету, какими они будут восприниматься вражескими летчиками с расстояния практического бомбометания (от 3 до 12 км). Затем, на этих моделях практически отрабатывать вопросы маскировочной окраски, искажения формы, создания ложных объектов вокруг них и т. д. По этой методике было проведено около 300 таких опытов [9; 14; 12]. В процессе экспериментальных исследований были переосмыслены многие теоретические наработки в области восприятия и маскировки, открыты новые закономерности цветового восприятия. В разработанных психологами рекомендациях содержались конкретные предложения по использованию методов окраски объектов и фона и освещения маскируемых объектов.

Результат оборонной работы психологии говорит сам за себя: вражеская авиация и крупнокалиберная артиллерия почти 900 дней и ночей наносили удары по Ленинграду, но благодаря его умелой маскировке удалось «спрятать» от врага и спасти многие величайшие шедевры отечественной архитектуры и культуры.

Не менее масштабная задача был связана с маскировкой Москвы. 9 июля 1941 г. Государственный комитет обороны издал постановление № ГКО-73сс «О создании службы маскировки при московском совете», в котором ставилась задача обеспечить маскировку Кремля, оборонных заводов, водопроводных станций, центрального телеграфа, нефтехранилища и др. В течении короткого времени был разработан и реализован план маскировки столицы. Следует подчеркнуть, что разработкой плана маскировки столицы занималась группа архитекторов и художников под руководством архитектора Б.М. Иофана. Однако теоретическую основу их деятельности составляли наработки отечественной и мировой психофизиологии, касающиеся особенностей и закономерностей восприятия человеком объектов различного цвета и освещенности, под разными углами, на различном удалении и т. д.

План предусматривал *стратегии плоскостной и объемной визуальной, световой и звуковой маскировки*². План включал окраску крыш зданий, стен, фасадов домов, площадей, дорог с целью сокрытия или изменения их наиболее приметных особенностей, а также и изображение на них перспективного вида обычных городских зданий и разрушенных строений, дорог, парков³. Однако плоские изображения не давали тени и фашистские летчики могли обнаружить это. Поэтому в процессе «объемной имитации» создавались более реалистичные и «живые» макеты городских зданий на Красной площади, в Александровском саду, на территории Кремля⁴.

Меры световой и звуковой маскировки предусматривали выключение звука курантов на Спасской башне, отключение по сигналу тревоги освещения маскируемых объектов, светозатемнение действующих зданий и имитацию освещения на ложных объектах.

Анализ маскировочных мероприятий в Москве показал, что при осуществлении сокрытия важнейших государственных и военных объектов специалисты использовали закономерности соотношения фигуры и фона, методы окраски объектов под окружающую местность и местности под цвет объектов, деформирующий камуфляж и мимикрию (имитацию разрушений), щиты и маски, создавали плоские и объемные ложные объекты с имитацией их жизнедеятельности (например, подсветки) и т.д. Это был, пожалуй, самый масштабный опыт маскировки в истории войн и военного искусства [12, с. 100–101].

Психология, воплощенная в деятельности советских архитекторов, художников, военных специалистов защитила столицу: более трети сброшенных фашистами бомб попали в ложные цели, а остальные – во второстепенные здания; из многих тысяч бомб лишь две упали на территорию Кремля и лишь одна попала в Большой театр.

Исследование *психофизиологических особенностей зрительного* и *слухового восприятия* было связано с разработкой теоретических и прикладных проблем противовоздушной маскировки, полевой разведки, наблюдения, противовоздушной обороны, повышения чувствительности зрения и слуха. Это направление активно разрабатывалось К.Х. Кекчеевым, С.В. Кравковым, А.Н. Леонтьевым, Л.А. Шварцем и др.

Психологи исследовали все имеющиеся возможности, чтобы сделать нашего воина более «зрячим», чутким, внимательным, способным быстро обнаруживать и поражать врага. К.Х. Кекчеев подчеркивал, что для осуществления эффективного наблюдения, разведки и поражения боевых порядков необходимо обеспечить: а) использование восприятий на пределе их возможностей, б) замену одних восприятий другими, более точными, в) расширение сферы восприятий и уточнение их с помощью специальных приборов (оптика, звукоуловители и т.п.), г) длительное напряжение внимания и наряду с этим в других случаях чрезвычайно быстрые восприятия и реакции, д) использование для демаскировки противника косвенных второстепенных признаков, е) отбор лиц с особым развитием тех или иных сторон зрительных и слуховых восприятий, ж) развитие восприятий путем тренировки или в процессе боевого опыта [13, с. 5].

Уже в самом начале войны выяснилось, что немецкая авиация бомбила хорошо защищенные объекты преимущественно ночью. До того, как нанести удар по тому или иному объекту, фашистские летчики находились в ночном небе достаточно времени, чтобы их глаза адаптировались к темноте. Наши летчики поднимались по тревоге, выбегали из освещенных помещений, садились в самолеты и взлетали навстречу врагу практически «слепыми». Им требовалось 20-40 мин., чтобы их зрительный аппарат адаптировался к темноте. В результате наши пилоты априори проигрывали противнику в психофизиологическом отношении, в способности ориентироваться и действовать в ночном бою.

Вместе с тем опыт боевых действий показывал, что ночной бой является одним из слабых мест фашистской армии и жизнь диктовала требование шире использовать ночь для боевых действий. Наши летчики, разведчики, снайперы, наблюдатели, зенитчики остро нуждались в рекомендациях психологов о том, как лучше видеть, слышать, обонять и, следовательно, быстрее выявлять и поражать живую силу и боевую технику противника в ночных условиях.

Отвечая на запросы фронта, лаборатория психофизиологии Института психологии при Московском государственном университете, возглавляемая К.Х. Кекчеевым (в составе С.В. Кравкова, Е.Н. Семеновской, О.А. Добряковой, Л.А. Шварц, А.А. Дубинской, В.К. Шеваревой и др.) приступила к разработке методов ускорения адаптации глаз к темноте, борьбы с ослеплением светом прожекторов, сенсибилизации слуха и зрения, развития глазомера, различения быстро движущихся объектов, способов звукомаскировки и т. д. Исследователями были проведены десятки экспериментов, в ходе которых было подтверждено, что возбуждение одной из отделов симпатической нервной системы закономерно влечет за собой возбуждение других ее отделов. Был сделан вывод о том, что чувствительность органов чувств человека, в

частности зрения, закономерно повышается при восприятии им приятных раздражителей и снижается при неприятных ощущениях. На основании этого был разработан своеобразный каталог простых и надежных методов ускорения и сохранения темновой адаптации глаз, борьбы с утомлением, поддержания высокой работоспособности воинов (табл. 1).

№ пп	Физиологический стимул	% повышения чувствительности глаз к свету
1	Приятные вкусовые ощущения (сосание кусочка сахара, сладко-кислых таблеток)	210%
2	Приятная музыка	240%
3	Система эмоционально-волевого напряжения	800%
4	Одноминутное форсированное дыхание, рефлекторно возбуждающее симпатическую иннервацию	1000%
5	Препарат BP-10, состоящий на 50% из глюкозы и 50% аскорбиновой кислоты, разработанный А. Н. Леонтьевым и К. Х. Кекчеевым	1000%

Таблица 1 – Физиологические стимулы, позволяющие повышать световую чувствительность глаз ночью

Одновременно эксперименты С.В. Кравкова и Е.Н. Семеновской показали, что засветка одного или двух глаз красным светом вызывает повышение чувствительности обоих глаз в условиях видения в темноте. В связи с этим Кекчеев предложил включать в кабине самолета красную лампочку, а приборную доску все время подсвечивать слабыми красными лучами. Пока поднятый по боевой тревоге летчик-истребитель сидит в кабине и ждет запуска мотора, его глаз адаптируется к темноте.

Однако на войне неблагоприятным фактором является не только темнота, но и ослепляющий свет прожекторов, вспышек от взрыва снарядов и т. д. Летчик, танкист, наблюдатель могут быть на время ослеплены светом прожекторов. Для предотвращения такого ослепления Кекчеев предложил использовать очки с красными светофильтрами [19].

Таким образом, применяя перечисленные выше методы ускорения темновой адаптации глаз, советские летчики-истребители, разведчики, наблюдатели могли, выходя из освещенных помещений в темноту, быстрее адаптироваться к ней и приступать к выполнению своих боевых обязанностей.

Кроме этого, для ускорения темновой адаптации летчики в ожидании сигнала к вылету постоянно находились в красных очках, что несколько ускоряло темновую адаптацию. А сокращение времени темновой адаптации — равносильно введению дополнительных самолетов [18, с. 272].

В ходе исследований психологов были также выявлены и временные показатели искусственно вызываемой нервно-психической активности. В частности, было установлено, что единичное применение физиологического стимулятора обеспечивает повышение зрительной и слуховой чувствительности на 1-1,5 часа, а многоразовое – на 2-3 часа.

Об огромной военной значимости результатов, полученных группой психологов под руководством К.Х. Кекчеева, говорит то, что, по свидетельству заведующей научным архивом Психологического института Е. Гусевой, в американском журнале Science Digest в 1943 году отмечалось, что исследование советского ученого Кекчеева может «увеличить военные усилия объединенных наций». А в 1944 г. отдел исследований Английского адмиралтейства перевел его книгу «Психофизиология маскировки и разведки» на английский язык и распространил для служебного пользования. Лондонский медицинский Научный совет направил статью Кекчеева о ночном зрении военным специалистам и маршалу авиации Виттингему. В Лондоне в 1945 г. вышел английский перевод книги «Ночное зрение» [19].

Кроме названных выше книг Кекчеева, полученные им и его коллегами-психологами результаты исследований, были обобщены в работах «Ночное зрение (как лучше видеть ночью)» (1942), «Как лучше видеть в темноте» (1943), «Зрение и слух в морской войне» (1944).

Отечественные ученые, исследуя пороги чувствительности, установили, что их изменения в значительной мере зависят от отношения к задаче, и, следовательно, ощущение — это не результат реакции лишь органа зрения на стимул, а продукт деятельности человека с предметом. С.Л. Рубинштейн, в этой связи, подчеркивал: «Раздражитель физически одной и той же интенсивности может оказываться и ниже и выше порога чувствительности и, таким образом, быть или не быть замеченным, в зависимости от того, какое значение он приобретает для человека — появляется ли он как безразличный для данного индивида момент его окружения или становится имеющим определенное значение показателем существенных условий его деятельности» [20, с. 45–61]. Этот вывод имел колоссальное теоретическое и практическое значение. На его основе были разработаны конкретные методы повышения психологических возможностей воинов, осуществлявших различные виды наблюдения.

В частности, в опытах, осуществляемых под руководством Л.А. Шварца, большие сдвиги зрительной чувствительности достигались посредством эмоционально-волевого усилия. Оказалось, что при использовании специальных инструкций, требующих определенного уровня чувствительности в установленные сроки, она находилась на 470–845% выше по сравнению с исходной. Здесь психологическими механизмами изменения показателей чувствительности выступали убеждение (самоубеждение), внушение (самовнушение), настрой.

Таким образом, благодаря рекомендациям психологов, наши воины (разведчики, снайперы, летчики, специалисты войск ПВО, акустики и др.) имели возможность быстрее адаптироваться к темноте, лучше видеть в ночных условиях, точнее определять и идентифицировать звуки, дольше сохранять работоспособность, допускать меньше ошибок.

Важное значение для боевых действий в северных районах, а также в зимних условиях имели результаты исследований С.В. Кравкова, изучавшего методы борьбы со снеговой ослепленностью. Совместно с Н.А. Вишневским им был сконструирован специальный прибор для определения нормальности сумеречного зрения, серийно изготовлявшийся для нужд армии во время Великой Отечественной войны.

Ленинградскими психологи, изучая слуховую чувствительность, подтвердили способность человека при врожденной потере зрения с высокой точностью определять положение «звуковых» объектов в пространстве, т. е. практически «видеть» с помощью слуха. На основе этого были сформулированы рекомендации командирам зенитных подразделений по использованию слепых «слухачей» в качестве наблюдателей на постах противовоздушной обороны. Такие наблюдатели обнаруживали самолеты противника на значительно более дальнем расстоянии, чем зрячие, более точно определяли и указывали зенитчикам откуда исходит воздушная опасность [7; 18].

Благодаря этому и разработке рекомендаций по предупреждению снижения зрительной и слуховой чувствительности зенитчиков (Л.А. Шварц), эффективность их боевой деятельности существенно возросла. Наши зенитчики стали сбивать почти в 4 раза больше вражеских самолетов [20], а это, в свою очередь, позволило до 4 раз сократить потери наших бойцов и гражданских людей, разрушения наших городов.

В годы войны перед отечественными психологами остро встала задача разработки рекомендаций по формированию у воинов армии и флота мужества, смелости, готовности к подвигу, преодолению страха, усталости, сохранению работоспособности в различных ситуациях боевой обстановки.

На решение этих задач были направлены кандидатские диссертации Г.А. Фортунатова («Страх и его преодоление» (1942 г.), А.К. Перова («Психология смелости и страха в связи с проблемой характера» (1945 г.), статьи Н.Д. Левитова «Презрение к смерти рождает героев, кует победу» (1941 г.), М.П. Феофанова «Воспитание смелости и мужества» (1941 г.), М.М. Рубинштейна «Рождение героя» (1945 г.) и др. Методический опыт формирования у воинов высоких морально-боевых качеств был проанализирован и обобщен в ряде статей, опубликованных в периодических изданиях: в «Военном вестнике» — статьи «О смелости и риске», «Боевая инициатива и ее воспитание», «Подбор, воспитание и обучение разведчика» (1943 г.), «Роль

эмоций в боевой деятельности», «Воля и характер бойца», «Об инициативе и самостоятельности командиров подразделений», «К вопросу о воспитании боевой выносливости» (1944 г.); в «Красной звезде» — статьи «Воспитание моральных качеств» (1941 г.), «Воспитание стойкости» (1942 г.) и др. Всего за время войны вышло несколько десятков таких статей. В них, как правило, преобладало политическое и педагогическое содержание, но были и интересные психологические рекомендации.

Бесценным для психологии, прежде всего военной, явился эмпирический психологический опыт командиров подразделений и частей. Так, в целях преодоления имевшей место в ряде случаев танко-, самолето- и минобоязни применялись такие способы психологической подготовки личного состава, как разъяснение приемов эффективных действий в условиях применения противником грозных боевых средств, изучение тактико-технических данных, обкатка танками и облет самолетами, демонстрация фактов поражения нашей артиллерией и гранатами вражеских танков и др. Конечно, при этом широко не употреблялись психологические термины, не использовались уже известные и эффективные психологические приемы преодоления фобий, и все же этот опыт является весьма ценным для сегодняшней практики психологического обеспечения боевых действий войск.

Ярким примером такого командира-психолога в годы войны стал легендарный командир Б. Момышулы, принявший участие в 100 боях и получивший звание Героя Советского Союза. В тяжелый период войны (1942–1943 гг.) была написана и вышла в свет надиктованная Момышулы книга писателя А. Бека «Волоколамское шоссе», которая от первой до последней страницы является эмпирическим осмыслением психологии воина, командира и боя. Чуть позже, в его собственной книге «Психология войны» [17, с. 3-240], Момышулы изложил свое психологическое видения войны и боя. Он утверждает, что «бой – организованное воздействие на противника (умом, огнем, психикой), причем огневое воздействие выступает как продукт воздействия умом и как средство психологического и физического воздействия. Только в бою испытываются все качества человека. Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою»... «Психология войны многогранна, конструкция человеческой души очень сложна, изучить и узнать ее не так-то легко и не всем удается». В книге Момышулы дается психологический анализ таким феноменам, как ум, мышление, сомнение, память, скука, рассеянность, мечтательность, инстинкт самосохранения, отчаяние, притворство, лицемерие, воля, чувства, впечатление, долг, совесть, гордость, стыд, самолюбие, уверенность, воодушевление, дерзновение, взаимная выручка и чувство коллективизма.

Автором глубоко и всесторонне анализируется эмоция страха. Он отмечает, что чувство страха постоянно сопровождает солдата в бою. Страх никогда не отстает от него, и бесстрашие, как таковое, вообще не существует в природе, бесстрашных людей нет. Страх испытывает не только солдат на передовой, но и офицер и генерал. Сознавая опасность смерти, ни одно животное не идет в бой без страха, в самое пекло, откуда брызжет смертью. В книге дается подробный анализ таких проявлений страха, как боязнь, собственно страх, ужас, паника. Одновременно показывается, что страх преодолевается внутренним и внешним принуждением. Внутреннее принуждение — это принуждение воином себя посредством своего интеллекта, мужества, самообладания, сознания собственного достоинства, долга, совести и чести. Внешнее принуждение есть общественное воздействие (дисциплина, воля и пример командира), побуждающая воина преодолевать страх, спасая свою собственную честь и благородство от чувства стыда, низости и позора. По мнению Момышулы в борьбе со страхом рождается отвага, в результате победы чувства долга; честь дороже жизни, позор и бесчестье страшнее смерти; совесть у настоящего солдата строже любого внешнего принуждения; если бы не было страха, не было бы отваги.

Важнейшим условием преодоления страха является пример командира. Именно «его властной волей, его авторитетом, повелительной интонацией в голосе при отдаче команды и распоряжения, способной рассеять страх и породить уверенность у подчиненных, памятуя, что солдат всегда думает: там, где командир, меньше опасность; раз не боится командир, значит, не предвидится ничего страшного, но раз трусит командир, нет в нем уверенности, значит ожидается нечто грозное, страшнейшее» [17, с. 3–240].

С позиций боевого командира Момышулы анализирует такие важнейшие аспекты боя, как психология местности, психология природных факторов и погодных условий, психология наступления и обороны, психология атаки, психология боя в городе, психология ближнего боя, психология командования и подчинения и многие другие. Книгу Б. Момышулы «Психология войны» можно без сомнения назвать лучшим военно-психологическим трудом военного и ближайшего послевоенного времени.

Психологические вопросы боевого управления анализировались в работах Б.М. Теплова [26], Б. Момышулы [17], Т.Г. Егорова, Н. Салманова, А. Скачкова и др.

Б.М. Теплов на основе психологического изучения личности и полководческой деятельности А.В. Суворова и Наполеона Бонапарта открывает феномен характерного для полководцев практического ума, показывает соотношение волевой и интеллектуальной составляющей в управленческой деятельности военачальника. На основе проведенного исследования, Теплов делает вывод: «Для интеллектуальной работы полководца типичны чрезвычайная сложность исходного материала и большая простота и ясность конечного результата. Вначале — анализ сложного материала, в итоге — синтез, дающий простые и определенные положения. Превращение сложного в простое — этой краткой формулой можно обозначить одну из самых важных сторон в работе ума полководца» [26, с. 71].

Свои теоретические наработки Теплову пришлось испытать на практике. По свидетельству В.А. Каращана, перед началом войны к Б.М. Теплову обратилось руководство страны и Красной Армии с просьбой оценить меру сохранности личности и уровень мышления оставшихся в живых репрессированных в предвоенный период офицеров и военачальников, и помочь вернуть их в строй. Теплову пришлось работать не только в качестве диагноста, но и психотерапевта [18, с. 274-275].

В годы войны А. Скачков изучал психологические особенности деятельности штабных офицеров, Т.Г. Егоров анализировал личностные характеристики командиров среднего звена, Н. Сальманов – командиров подразделений, [14, с. 46].

Б. Момышулы, анализируя собственную деятельность (командира батальона) и управленческий стиль командира 316 стрелковой дивизии генерал-майора И.В. Панфилова, выводит тип «командира-психолога». По его мнению, командир – центральная фигура, мозг войск, организатор боя, творец победы. Обязанности командира в бою – не геройски умереть, а выполнить поставленную боевую задачу, следовательно, «командир должен быть не столько солдатом кулачного боя, сколько солдатом ума». Главная обязанность командира – думать, думать и думать. Командир должен быть психологом, способным заглянуть в душу солдата; общение с солдатами, понимание их внутреннего состояния постигается не столько умом, сколько искренним чувством и состраданием к их солдатской доле. Исходя из всего вышесказанного, следует вывод: командир должен быть человеком творческого ума и практики, в этом его офицерское достоинство и честь.

По всей книге Момышулы «золотой россыпью» обозначены мысли о командире, которые должны составить своеобразную психологическую энциклопедию военного руководителя. По его мнению, командир должен «владеть ключом от сердца солдата». Солдатский сейф — три ключа: ум, воля, чувство. Учи умом, а не гневом, учи лаской, но не хвали без меры, не терзай без вины. Не крик, не истерика, а осмысленная строгость. Она должна быть справедливой и ни в коем случае не унижать достоинства человека в солдате. В руках командира сосредоточены все средства воздействия на бойца: от убеждения до принуждения. Вникать в душу солдата, уметь воздействовать на его чувства, психику и управлять ими, задевать за живое в интересах

службы, мобилизовать всю его сущность для осмысленного действия, для выполнения задачи, знать все качества солдата — моральные и физические, помогать расти, совершенствоваться, прививать положительные передовые черты, боевую дружбу, любовь к своей части, как к родной боевой семье — священная обязанность командира Командир кровно связан с солдатами, которых он ведет в бой, и всем (и победой) он обязан им, поэтому на них он должен смотреть прежде всего как на боевых друзей, быть вожаком, бойцом большой души, сильной воли. У командира много обязанностей. Главная из них — воспитание и установление дружбы бойцов и укрепление товарищеских уз, спайка подразделения. Сила части в боевой дружбе, товарищеской спайке [17, с. 3-240].

Разработка комплекса теоретических и прикладных проблем психологической реабилитации раненых военнослужащих велась довольно широким фронтом несколькими группами психологов.

Главным принципом деятельности отечественных психологов в сфере реабилитации раненых был принцип «Лечить надо не рану, а раненого» и понимание того, что прежде чем «успешно восстановить функцию органа, нужно восстановить деятельность самого человека, снять мешающие ему внутренние установки, организовать и направить его активность» [15, с. 6].

Психологи приняли активное участие в восстановлении боеспособности и трудоспособности раненых бойцов в ряде лечебных заведений. Так, в нейрохирургическом эвакогоспитале №3129 в пос. Кисегач Челябинской области с августа 1941 г. по ноябрь 1944 г. работала группа психологов (Э.С. Бейн, С.Г. Геллерштейн, А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, О.П. Кауфман, Б.Б. Митлина, С.Я. Рубинштейн, Д.Н. Рейтерберг) во главе с А.Р. Лурией [8, с. 29–34.]. По оценке А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия «первым у нас в Союзе поставил психологические вопросы восстановления функций после ранения» [15, с. 7]. Его группа специализировалась на восстановительной работе с военнослужащими с черепно-мозговыми травмами, сопровождающимися нарушением речевых и мыслительных функций. Опыт этой работы представлен в ряде научных трудов⁵. В октябре 1944 г. Лурия переехал в Москву, хотя и продолжал руководить работой госпиталя до ноября 1944 г. За научно-практическую работу в годы войны А.Р. Лурия был награждён Орденом Трудового Красного Знамени

В соответствии с приказом наркома Обороны СССР от 5 февраля 1943 г. начал работу восстановительный госпиталь в пос. Коуровка на берегу р. Чусовой в Свердловской области. Госпиталь специализировался на восстановлении утраченной гностической чувствительности и движений после ранений, т. е. нарушений периферического характера (нарушения двигательных функций руки вследствие центральных или периферических поражений), путем специальной организации осмысленной предметной деятельности раненых.

Реабилитационная и научно-исследовательская работа осуществлялась здесь на двух этапах. Первый цикл исследований (1943 г.) проводился в госпитале восстановительной терапии. Научную работу здесь возглавлял А. Н. Леонтьев, а медицинской частью руководил П.Я. Гальперин. В группу психологов, осуществлявших психологическую реабилитацию раненых, входили: Т.О. Гиневская, З.М. Золина, А.В. Запорожец, А.Г. Комм, В.С. Мерлин, Я.З. Неверович, Е.Д. Полыковский. Исследования проводились на контингенте раненых с различно локализованными повреждениями костей и мягких тканей верхней конечности, у которых лечение ран было в основном закончено. Наиболее многочисленную группу изученных случаев составили случаи миогенных, главным образом, иммобилизационных, контрактур [15, с. 7]. Второй цикл исследований (1944 г.) реализовывался в Москве, в Московском государственном университете. На данном этапе работали С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Т.О. Гиневская, И.Г. Диманштейн, Т.В. Ендовицкая А.В. Запорожец, Я.З. Неверович.

В 1944 г. в МГУ состоялась большая научная конференция, которая обобщила опыт психологии в годы войны [7].

Вопросы дифференциальной диагностики и методы восстановления утраченных функций разрабатывались также в эвакогоспиталях Тбилиси, где трудились Б.Г. Ананьев, Д.Н. Узнадзе

и др. А.А. Ухтомский с коллегами из Физиологического института Ленинградского университета исследовал проблемы травматического шока, имевшие важнейшее значение для спасения жизни раненых. Сотрудники Ленинградского научно-исследовательского института экспертизы трудоспособности и трудоустройства инвалидов О.И. Галкина, А.Н. Давыдова и Н.Н. Ободан вели работу по реабилитации раненых и возвращению к трудовой деятельности инвалидов войны [8, с. 29-34].

Учитывая то, что «недостаточность теоретической базы уменьшает степень использования тех возможностей, которые открываются применением функциональных методов восстановления движения» и «служит препятствием и для дальнейшего полноценного обобщения накапливаемого практического опыта» [15, с. 7] отечественные психологии были вынуждены наряду с практической работой по реабилитации раненых вести большую научно-исследовательскую работу по созданию соответствующей теоретической базы. Ее основы были изложены в книге А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца «Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения» (М., 1945).

Заслугой отечественных психологов военного времени является разработка целого арсенала методов и приемов психологической реабилитации раненых. В их основе лежала идея использования трудовых движений в качестве средства восстановления нарушенных двигательных функций верхних конечностей, понимание того, что «умея правильно подбирать и видоизменять трудовые задания и воздействовать на инструмент, на изделие, на «рабочее пространство», мы научаемся управлять трудовыми движениями, вызывать к жизни одни, заглушать другие и направлять по-своему ход восстановления движения» (4, с. 51). А.Н. Леонтьевым и А.В. Запорожцем описан целый арсенал таких движений для бойцов с разными ранениями рук [15, с. 196–205].

Для восстановления нарушенных ранением движений (А.В. Запорожец, С.Г. Геллерштейн, С.Я. Рубинштейн) и профилактики контрактур создавались специальные хорошо оборудованные мастерские трудовой терапии (столярная, слесарная, сапожная, портняжная), организовывались курсы счетоводов. Следовательно, здесь объединялись в единый комплекс восстановление нарушенных функций, экспертиза и профконсультация, трудовое обучение [12, с. 118]. С.Г. Геллерштейном была приведена классификация профессий для целей профконсультации и трудоустройства инвалидов с дефектами конечностей [4].

Кроме этого, для восстановления утраченных речи и слуха (постконтузионная глухонемота) применяли плацебо, электрофизиотерапию, лекарственные препараты, беседы, включение больных в трудовую деятельность. В отличие от психокоррекции при афазии, в случае постконтузионной глухонемоты требовались не отработка произнесения звуков и слогов, а работа по коррекции личности (психотерапия, убеждение, внушение, отвлечение, концерты художественной самодеятельности). По существу, в госпиталях функционировали психотерапевтические сообщества по типу «группы встреч». Это способствовало восстановлению у раненых не только нарушенных телесных функций, но и утраченного социального статуса, а также формированию трудовых установок и перспективных целей [12, с. 117].

Важный вывод из работ психологов в госпиталях состоял в том, что «перспективы психокоррекционной работы заключаются в первую очередь в том, что должны быть сформированы регулятивные функции человека, что охрана психического здоровья заключается не в выработке мер адаптации, а в формировании высших целей» [Зейгарник Б.В. Ученые-психологи в годы великой Отечественной войны. С. 29–34]. Этот вывод и сегодня является важнейшим ориентиром в психореабилитационной работе с участниками боевых действий, ранеными и инвалидами.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ вклада военных психологов в решение военных задач показал, несмотря на объективные трудности, имевшие место в развитии отечественной психологии в предвоенный период, отечественным психологам удалось мобилизовать свои силы

и внести неоценимый вклад в решение оборонных задач. Психологи проявили высокую самоотверженность и героизм «в совместном духовном направлении воли, мысли, чувства и действия, ведущем к единому результату, именуемому победой» [22]. Можно говорить о том, что психология явилась важным фактором достижения победы в Великой Отечественной войне. Она жила в сердцах психологов, сражавшихся на фронтах войны и в партизанских отрядах, она проявлялась в боевых навыках и высоком моральном духе наших воинов, она материализовалась в сохраненных от врага стратегически важных объектах и памятниках культуры, она оживала в желании жить и быть активным членом общества у реабилитированных после ранений воинов. Благодаря психологии и психологам сохранены символические для советских людей сооружения в Ленинграде и Москве, существенно повысилась эффективность действий расчетов противовоздушной обороны и наши зенитчики стали сбивать в четверо больше вражеских самолетов, в 10-12 раз сократилось время вступления наших летчиков в ночной бой, повысилась «зрячесть» наших наблюдателей, разведчиков, летчиков, моряков в ночных условиях, вернулись к активной трудовой деятельности многие тысячи наших военнослужащих, получивших ранения в голову или потерявших конечности.

Отвечая на запросы боевой практики, отечественные психологи разработали эффективные приемы стратегической и войсковой маскировки, повышения чувствительности и надежности работ органов чувств воинов, поддержания боеспособности, восстановления психических функций и движений после ранения. Несмотря на то, что военная обстановка в первую очередь требовала именно практических рекомендаций, в годы войны были разработаны фундаментальные теоретико-методологические положения. То есть на практике реализовывался методологический принцип взаимодействия изучения и воздействия (Рубинштейн). Концепции повышения чувствительности органов чувств и осуществления психологической реабилитации раненых отвечали высочайшему мировому уровню.

Создание в октябре 1942 г. в Московском государственном университете кафедры психологи, а в 1943 г. — отделения психологии на философском факультете, открытие в 1944-45 гг. кафедры и отделения психологии в Ленинградском университете, учреждение в 1943 г. академии педагогических наук РСФСР с отделениями педагогики и психологии, присуждение С.Л. Рубинштейну в 1942 г. Сталинской премии за книгу «Основы общей психологии» и избрание его (первого из психологов!) членом-корреспондентом АН СССР [7] свидетельствовало о том, что государство оценило и признало военные заслуги и огромный созидательный потенциал психологии.

Военный опыт психологии преподал психологам и военно-политическим руководителям страны ряд серьезных уроков:

- 1) любая война в первую очередь, это война нервных систем, война воль, желаний и умения воевать» и «как бы ни развивалась военная техника, человеческий фактор не потеряет своего значения и все мероприятия по отбору, тренировке и обучению бойцов и по сенсибилизации их органов чувств будут производиться даже еще в большей степени» [13, с. 6,105];
- 2) психологи должны быть постоянно готовыми выполнить свой гражданский долг в соответствии со своим профессиональным предназначением (постоянно совершенствовать военно-психологическую теорию; владеть методами психологической работы по обеспечению оборонных задач; повышать свое организационное единство; повседневно доказывать свою состоятельность как науки «для жизни» и «для людей»; широко культивировать психологические знания среди россиян).
- 3) «Современной психологии есть, что положить на алтарь победы, и это приношение будет весомо настолько, насколько она сможет извлекать и усваивать уроки из военной истории государства и из своей собственной истории» [11, с. 33].

Примечание

¹См., например: Теплов Б.М. Психология как основа маскировочной техники // Война и техника, 1926; Он же. Исследование защитных свойств фона, условий погоды и освещения // Война и техника, 1927. № 2.; Он же. Исследование защитных свойств фона, условий погоды и

освещения // Война и техника. 1927. №2.; Он же. Белый халат // Война и техника, 1927. № 3; Он же. Задачи и методы работы в области изыскания защитных цветов // Война и техника. 1928. № 8-9.

²Горосов О. Как Кремль исчез на четыре года // URL: http://www.anothercity.ru/moscow-mysteries/mysreries/6568-kremlin (дата обращения: 11.02.2016); Маскировка Москвы // URL: http://zyalt.livejournal.com/724754.html (дата обращения: 15.01.2016); Зотов А. Во время Великой Отечественной войны художники спасали Москву от налетов гитлеровской авиации // Первый канал [сайт]. URL: http://www.1tv.ru/news/social/206496 (дата обращения: 15.01.2016); Караяни А. Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов. 2-изд., переработанное и дополненное. М.: Юрайт, 2020. С. 100—101.

³Например, фасад Большого театра был закрыт «задником» сцены из оперы «Князь Игорь». Над Мавзолеем и Тайницким садом вывешивались специальные полотнища, на которых были нарисованы крыши других зданий. Кремлевские звезды были закрыты чехлами и деревянными щитами, кресты церквей сняты, позолоченные купола задекорированы. Кремлевская стена превратилась в улицу со сплошными строениями. Художник-авангардист Я. Чернихов придумал особые изображения, которые с расстояния производили магический эффект: на московских площадях и улицах появились городские окраины, леса с озерами, густые облака и др.

⁴Так, на Красной площади были размещены объемные макеты 25 зданий, посажены деревья. Благодаря маскировке территория Кремля с прилегающей Красной площадью, Александровским садом (более 27 га), с рубиновыми звездами кремлевских башен, крестами и куполами церквей практически «исчезли» для вражеских летчиков. Для маскировки Москвы-реки, являющейся хорошим ориентиром, использовались ложные мосты, баржи с макетами зданий со специальной подсветкой.

⁵См.: Лурия А. Р. Восстановление функций мозга после военной травмы. М., 1948; Он же. Потерянный и возвращенный мир (История одного ранения). М., 1971; Геллерштейн С. Г. Восстановление трудоспособности, трудотерапия и трудоустройство в системе работы эвакогоспиталей. М., 1942; он же. Восстановительная трудотерапия в системе работы эвакогоспиталей. М., 1943 и др.

Литература

- 1. Ананьев Б.Г. Из оборонного опыта советской психологии // Сов. педагогика. 1943. № 2–3.
- 2. Барабанщиков А. В. Советская психология в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 12–22.
- 3. Белоусов А. В., Караяни А. Г. Отечественная психология в годы великой отечественной войны // Инновации в образовании. 2005. № 3. С. 128–147.
- 4. Геллерштейн С. Г. Восстановительная трудовая терапия в системе работы эвакогоспиталей. М.: Медгиз, 1943. 225 с.
- 5. Дьяченко М.И. К 40-летию Великой Победы. Советская психологическая наука на службе обороны Родины // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 5–13.
- 6. Дьяченко М. И., Кандыбович С. Л., Караяни А. Г. История отечественной военной психологии: учебник / Под редакцией Л. А. Кандыбовича. М., 2009.
- 7. Ждан А. Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2015. №2. С.4–14.
- 8. Зейгарник Б. В. Ученые психологи в годы Великой Отечественной войны // Психология инвалидности: хрестоматия. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. С. 29–34.
- 9. Каничева Р.А., Ярмоленко А.В. Ленинградские психологи в годы войны // Психол. журн. 1985. № 6. С. 3–7.
- 10. Каращан В. А. Некоторые вопросы истории развития советской военной психологии (Военная психология к дню победы) // Психологический журнал, 1980. № 3.

- 11. Караяни А. Г. Алтарь победы // Национальный психологический журнал. 2010. №1(3). С. 29–33.
- 12. Караяни А. Г. Военная психология: учебник и практикум. 2-изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 593 с.
 - 13. Кекчеев К. Х. Психофизиология маскировки и разведки. М.: Советская наука, 1942. 198 с.
- 14. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Психологи в годы войны: подвиг на века // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. С. 40–51.
- 15. Леонтьев А. Н., Запорожец А. В. Восстановление движения: психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. М.: Советская наука, 1945. 231 с.
 - 16. Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная биография. М., 1982. 182 с.
 - 17. Момышулы Б. Психология войны. Алма-Ата: «Казахстан», 1990. 240 с.
- 18. Носкова О.Г. История психология труда в России (1917—1957). М.: Изд-во ИМГУ, 1997. 334 с.
- 19. Раевская М. Как психологи во время войны помогали побеждать мглу. В эти дни 70 лет назад совершился перелом в Великой Отечественной//Вечерняя Москва. 2015. 6 февраля.
- 20. Рубинштейн С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943, № 9–10. С. 45–61.
- 21. Рыбников Н.А. Тематика советской психологии в условиях Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 2015. №2. С. 96–103.
- 22. Серова О. Е. Психологи внесли вклад в Победу // Учительская газета. №16. 2015. 21 апреля.
- 23. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОС-СПЭН, 1999. 383 с.
- 24. Смирнов А.А. Советские психологи обороне Родины в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1975. №2. С. 13–30.
- 25. Смирнов А.А. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии.1975. №4. С. 124–126.
 - 26. Теплов Б. М. Ум полководца. М.: Педагогика, 1990. 203 с.

Караяни Александр Григорьевич. E-mail: karayani@mail.ru Кандыбович Сергей Львович. E-mail: s.kandybovich@sodru.com

PSYCHOLOGICAL FACTOR OF THE GREAT VICTORY

Karayani A.G.¹, Kandybovich S.L.²

¹All-russian research institute of the MIA of Russia. Russia, Moscow ²Ryazan State University named after S.A. Yesenin. Russia, Ryazan

Abstract. The article analyzes the contribution of Russian psychology and psychologists to achieving victory over the enemy during the Great Patriotic War. Unfavorable conditions for the development of domestic psychology in the pre-war period are shown. The analysis of approaches to the study of the military experience of psychology is given. The main directions of research and practical activities of psychologists during the war are revealed. It is proved that the psychology and activity of the psychologists of our country were an important factor in achieving victory in the war. Conclusions are drawn and lessons are learned from the military experience of military psychology.

Keywords. The Great Patriotic War, the history of psychology, military psychology, psychology of disguise, dark adaptation, rehabilitation of the wounded.

Karayani Alexander G. E-mail: karayani@mail.ru

Kandybovich Sergey Lvovich. E-mail: s.kandybovich@sodru.com